

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

О.В. Мраморнова

Саратовский государственный технический университет

В данной статье автор раскрывает понятие «социокультурные факторы», которые в терминах институционализма представляют собой неформальные институты, и влияние их множества на функционирование, развитие, основные характеристики экономической системы. Подчеркивается, что в процессе экономического реформирования их наличие и влияние необходимо учитывать, а значит, изучать и создавать условия для воплощения в реальной хозяйственной практике неформальных институтов, а также создавать на их основе законодательные акты, регулирующие экономическую деятельность.

Общество всегда пронизано сетями хозяйственных взаимоотношений — это отношения обмена, трудовые отношения, отношения партнерства и взаимного участия в хозяйстве. Большинство подобных взаимодействий типизировано, привычно, закреплено традициями и правом, оправдано моралью, то есть экономический процесс осуществляется всегда в определенных институциональных социальных рамках. К. Поланьи подчеркивал, что «...экономика встроена в институциональные структуры. Последние, в частности религия и денежные институты, сами являются элементом хозяйства. Экономический процесс не индивидуален, а социален, он вложен в «поддерживающие структуры», без которых не может существовать» [1].

Ю.Я. Ольсевич дает определение хозяйства как наисложнейшей многомерной системы, воплощающей органическое взаимодействие отнюдь не экономических лишь, но и множества других факторов, разнородных и разнопорядковых: природных, технических, демографических, политических, культурных. Противоречие, — продолжает далее Ю. Я. Ольсевич, — внутренне присущее научному познанию, состоит в том, что последнее, с одной стороны, не может обойтись без упрощений, односторонности, а с другой — обязано эту односторонность и упрощения преодолеть [2].

Таким образом, исследовать экономический процесс «изнутри», не исследуя его социальных связей и отношений, можно лишь с определенной, весьма значительной, долей абстракции или упрощения.

Влияние социокультурных факторов мы будем рассматривать как определенную институциональную среду, обуславливающую те или иные характеристики экономической системы. Традиционный институционализм трактует понятие института как единства трех элементов, взаимодополняющих друг друга: правил, стандартов поведения и стереотипов мышления [3]. Существует множество других определений данного понятия, но приведенное здесь в наибольшей степени отвечает задачам данной статьи.

Экономическая жизнь людей всегда осуществляется в рамках определенного этноса — народной общности, которая формируется и живет в определенных исторических, геополитических, природных, социально-политических условиях. Она представляет собой единую совокупность большого числа элементов, обра-

зующих единство во множестве. Все элементы этой структуры находятся в сложном взаимодействии, в том числе и с объединяющим их единым целым. Исходным моментом жизни этноса является его повседневная жизнь, то есть та сторона жизни, в которую мы оказываемся включенными, даже не отдавая в том себе отчета. Это привычки, тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничего решения, которые происходят, почти не затрагивая нашего сознания. Здесь мы имеем дело с побуждениями, импульсами, стереотипами, приемами и способами действия, а также различными типами обязательств, понуждающих действовать, которые порой восходят к самым незапамятным временам [4]. Взаимодействуя с окружающей действительностью, человек включается в ее освоение и преобразование. Это освоение мира носит двойственный характер. С одной стороны, человек добывает знания о мире самостоятельно, путем индивидуального обучения. С другой стороны, он наследует «социальную память», которая передается через обычаи, традиции и другие духовные ценности [5]. Социальная память помогает людям жить, но одновременно подчиняет их, так как определяет многие решения за них в течение всего их существования. Социальная память формирует культуру этноса. То, что хранится в памяти людей, то, что входит в плоть самих людей, ускользая от их внимания, образуя первичный пласт, или слой, культуры. Это культура обиходная, культура повседневной жизни. Кроме того, выделяют культуру трудовую, экономическую, производственную, сословную, государственную, идеалы и др. С понятием «культура» тесно связано понятие «менталитет», которое характеризует прежде всего духовный мир членов общества.

По мнению Г. Гольца, «большое и емкое понятие «культура» целесообразно раздробить на главные составные элементы. Это элитная культура, массовая культура и традиционная культура.

Элитная культура — наиболее продвинутый, подверженный инновациям и качественным перестройкам слой культуры. Массовая культура — подвижный защитный слой, предохраняющий менталитет от глубоких подвижек. Традиционная культура — фундаментальная основа культуры, источник народного менталитета.

Изменения в социально-духовном климате общества прежде всего воспринимаются элитной культурой. Затем эти изменения начинают перетекать (порой в совершенно неузнаваемом виде) на уровень массовой культуры, лишь в исключительных случаях затрагивая фундаментальные пласты народной архаической культуры. С точки зрения понимания механизмов движения совокупной духовной культуры общества важно понять соотношение скоростей движения новаций от элитной культуры к массовой, а затем к народной» [6].

Только один неполный перечень разновидностей культуры показывает всеобъемлемость и многоплановость культуры, а также ее значение в жизни этноса, поскольку каждая черта в жизнедеятельности человека связана со многими пластами культуры. Обиходная культура — это система поведенческих структур, экономическая культура — совокупность форм и видов хозяйства со всеми духовно-нравственными и социально-экономическими институтами, которые определяют стереотипы поведения людей [7].

Истоками культуры являются первичные идеальные потребности человека: познать окружающий мир и сохранить себя в этом мире. В широком смысле к культуре относят все общепринятые и утвердившиеся в данном обществе проявления духовной жизни, а также созданную людьми систему материальной жизни, традиции, обычаи, религия, мораль, искусство, право, наука, общественные нор-

мы и институты, включая экономику и государство. В самой широкой трактовке культура — это вообще все надбиологические выработанные средства человеческой деятельности [8]. В узком смысле границы культуры сводятся к духовному творчеству — интеллектуальной деятельности, творениям искусства, нравственным нормам. Различают культуру сотворенную и культуру, уже воплощенную в новой организации внешней среды. Для выражения этого второго состояния культуры используется термин *цивилизация*. Итак, цивилизация есть культура, реализованная в формах жизнедеятельности людей. Цивилизация — явление вторичное, опосредованное культурой, и в то же время она сама воздействует на культуру. В научной литературе можно встретить десятки различных определений понятий культуры и цивилизации. Так, выдающийся русский историк и философ Н.Я. Данилевский отмечал, что цивилизация, или культурно-исторический тип человечества, есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности; и цивилизация все это в себе заключает [9]. Сущностные основы цивилизации определяются такими факторами, как государственность и социально-экономические отношения собственности. Нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развилась без политической самостоятельности [10], подчеркивает Н.Я. Данилевский.

В цивилизационном устройстве экономическая система отражает особую структуру общества, возникшую из практики хозяйствования конкретного народа в данных условиях. Эта система отражает не только взаимосвязи между экономическими процессами. В нее включен также ряд элементов культуры: этнический фактор, народные традиции и обычаи, этика и другие. Существующая система этих ценностей не входит в связи, представленные в экономических законах, и не фиксируется ими. Законы, управляющие функционированием экономической системы, имеют разную природу.

По мнению Ю. Ольсевича, хозяйственная система испытывает на себе влияние различных факторов, которые им классифицируются на вековые, среднесрочные и краткосрочные, а по силе воздействия в определенный отрезок времени — на главные и второстепенные. Относительная сила разных факторов может меняться во времени и в пространстве. Он рассматривает хозяйственную систему не как звено в известной марксистской цепи явлений: производительные силы — производственные отношения — надстройка, а как результат взаимодействия автономных и противоречивых сил, усиливающих либо ограничивающих друг друга.

К числу долговременных, «вековых» факторов формирования хозяйственной системы относятся, согласно Ю. Ольсевичу, прежде всего такие, как врожденная и усвоенная в виде традиций психология человека, природные условия, законы развития человеческого знания. Он отмечает, что К. Маркс, констатируя наличие всеобщих, общечеловеческих экономических законов, тем не менее задачей науки считал раскрытие не общих, а специфических черт хозяйства, которые и являются определяющими, формируют исторический тип производства. Но если изначально преувеличивать значение особенного, то невозможно оценить реальное значение общего. Не случайно в марксистской теории общечеловеческие факторы формирования экономических систем не только не раскрыты, но и затушеваны.

К факторам среднесрочного порядка относятся характер технических систем, структура хозяйства (макро-, мезо- и микроструктура), международное разделение труда и место в нем различных стран, социально-классовая структура, демографический фактор.

К факторам, которые могут изменить свой вектор в течение относительно короткого периода времени, можно отнести институты (организации), воздействующие на хозяйство [11].

Таким образом, такие социокультурные факторы влияния на экономическую систему, как менталитет народа, его хозяйственные традиции, Ю. Ольсевич характеризует как «вековые», то есть влияющие на сферу экономической деятельности людей на протяжении длительных временных периодов, оказывающих долгосрочное влияние.

Важное значение имеет вопрос о происхождении традиций и обычаев, оказывающих определяющее воздействие на формы хозяйственной деятельности людей. Ф. Хайек дает следующий ответ на данный вопрос: «...Наши ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями, но формируются как составная часть процесса бессознательной самоорганизации некоей структуры или модели. Это имеет силу не только для экономической науки; принцип этот гораздо шире... Наши моральные нормы не порождены инстинктом и не являются творением разума, а представляют собой самостоятельный феномен — «между инстинктом и разумом». Этот феномен играет поразительную роль, позволяя нам применяться (приспосабливаться) к проблемным ситуациям и к обстоятельствам, далеко выходящим за рамки возможностей нашего разума. Развитие наших нравственных традиций (как и многих других аспектов человеческой культуры) происходило одновременно с развитием нашего разума, а не являлось его продуктом. ...Таким образом, маловероятно, что цивилизация и культура детерминируются и передаются генетически. Все одинаково осваивают их через освоение определенных традиций» [12]. Ф. Хайек называет традиции генетическими и культурными механизмами передачи опыта [13]. Он указывает, что «различные структуры, традиции, институты и другие компоненты этого порядка (расширенного порядка сотрудничества) возникали постепенно как вариации тех или иных привычных способов поведения. Новые правила подобного рода распространялись не потому, что люди сознавали их большую эффективность или могли предположить, что они приведут к росту населения, но просто потому, что придерживающиеся их группы начинали успешнее воспроизводиться и включать в свой состав аутсайдеров. Человек стал мыслящим существом благодаря усвоению традиций — т.е. того, что лежит между разумом и инстинктом. Эти традиции, в свою очередь, ведут происхождение не от способности рационально интерпретировать наблюдаемые факты, а от привычных способов реагирования. Они прежде всего подсказывали человеку, что он должен и чего не должен делать в данных обстоятельствах, а не то, чего он должен ожидать» [14].

Таким образом, если наша цивилизация есть результат действия институтов, не являющихся результатом деятельности человеческого разума, а возникающих стихийно, подобно возникновению рыночного механизма, то чрезвычайно важным является изучение, сохранение и поддержание этих институтов в процессе экономической деятельности человека.

Изучением влияния этих институтов на национальную экономическую систему занимается такое новое для нашей экономической науки направление, как этноэкономика. Это наука о взаимовлиянии традиций, обычаев, культуры, психологии, идеологии, религиозных воззрений различных этносов, а также уровня развития производительных сил и производственных отношений. В рамках такого подхода отвергается обязательная первичность экономических процессов по отношению к этническим [15].

Одним из важных институтов, определяющих экономическое поведение индивидуумов, является такой элемент культуры, как культура труда. В современной экономико-социологической литературе отсутствует общепринятое определение культуры труда. Эта категория включает такие характеристики процесса труда, как рациональная организация труда, комфортность условий труда, использование передовых технологий, профессионализм работника, партнерские отношения между участниками совместного труда, а также социокультурные особенности различных народов, их традиции, обычаи, привычки, нормы и ценности в сфере труда. Культура труда различных стран и регионов имеет существенные отличия, что определяет различия в формах и методах, результативности процесса труда.

С понятием культуры труда неразрывно связано влияние религии на характер и формы осуществления трудового процесса. Г.А. Гольц определяет религию как способ координации духовного начала человека с окружающей его культурой [16]. М. Вебер в своем знаменитом труде «Протестантская этика и дух капитализма» показал, как капиталистические отношения возникают под воздействием внеэкономического фактора — религиозной этики протестантизма [17]. Критерий «пользы» в протестантизме предполагал, что Бог указывает верующим дорогу к богатству. Если человек избирает менее полезную дорогу, он отказывается от осуществления одной из целей своего призвания.

Господство протестантской этики привело к утверждению традиций соблюдения законов, которые, в свою очередь, эволюционировали в неукоснительную уплату налогов и исполнение контрактов, даже не оформленных документально.

Такие традиции вошли в жизнь как одно из главнейших условий гражданского общества преимущественно в протестантских странах.

Японская культура исторически сложилась из противоречий буддизма и конфуцианства, приведшей к возникновению уникального по своей организации производственного процесса, повторить или хотя бы воспроизвести некоторые черты которого не смогли ни американцы, ни европейцы.

Каждая религия содержала идеологические критерии и заповеди экономической деятельности верующих. До конца XVIII в. только религиозная этика определяла модель экономического поведения.

В современных условиях религия утратила доминирующее влияние на экономические процессы, однако этнические особенности оказывают существенное воздействие на динамику социально-экономических отношений. Даже между западноевропейскими странами существуют заметные различия. Так, в Швеции существует традиция сотрудничества прямых конкурентов в различных отраслях промышленности (особенно в сталелитейной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной). В частности, компании, производящие бумагу, придерживались в течение некоторого времени общей политики экспортных цен. Подобное поведение объясняется особенностями социального устройства и системы профессиональной подготовки, в процессе которой шведов учат сотрудничать, а не конкурировать. Сотрудничество дает позитивные результаты в производственных отношениях по вертикали и во взаимосвязях со смежниками, однако существенно сдерживает развитие внутренней конкуренции, необходимой для важных нововведений. В результате Швеция не отличается существенными успехами в отраслях, где требуется быстрое реагирование и частая смена продукции.

В Германии потребитель отличается консервативностью и настроенным отношением к новым продуктам. Поэтому немецкие фирмы редко лидируют в производстве товаров с коротким жизненным циклом (менее трех-пяти лет) или там,

где нужен агрессивный маркетинг. Банкротство немецких предприятий вызывает в обществе столь бурную негативную реакцию, что люди боятся рисковать. Здесь плохо развит и рынок рискованных капиталов. Итальянцы, же, напротив, любят рисковать, не склонны работать в иерархических структурах, стремятся к независимости. Банкротства здесь — достаточно частое явление, воспринимаемое в обществе вполне спокойно. Результатом явилось широкое развитие в Италии предприятий малого бизнеса, часто меняющих ассортимент своей продукции. Другой отличительной чертой итальянской экономики является наличие сильных семейных и клановых связей между многими предприятиями. Сделки с поставщиками и покупателями в большой степени основываются на долговременных личных взаимоотношениях. Каналы сбыта за рубежом итальянские фирмы зачастую также налаживают исходя из связей их владельцев, чем в значительной степени и определяются направления экспорта [18].

Культурная среда того или иного народа не остается постоянной, она испытывает влияние иных культур. Как же осуществляется это взаимодействие? И.Д. Афанасенко отмечает, что метод восприятия чужой культуры можно сравнить с эффектом возвратной волны. Суть его заключается в том, что культура (и вера как ее элемент) способна распространяться из одной социосферы на другие. Но в новой среде она не воспроизводится адекватно, если для нее нет там соответствующих условий. Идеи на новом месте перерабатываются и, видоизменяясь, возвращаются обратно. В измененном виде они воспринимаются прежде всего людьми с неустойчивым стереотипом поведения и теми, чей уровень ниже среднего. Возвратный поток может захлестнуть и сам центр, откуда идеи исходили, и заставить его эволюционировать совсем в ином направлении [19].

Несколько иначе этот процесс взаимодействия и взаимовлияния культур описывает А.С. Ахиезер, который отмечает, что «культурные плоды нельзя использовать так, как используются реальные плоды. Их нельзя просто взять — их нужно освоить в процессе производственной деятельности, которая по своему уровню, культурному содержанию близка к уровню, достигнутому деятельностью, создавшей эти плоды. Если уровень осваивающей деятельности отстает, то эти плоды иной культуры могут быть восприняты в лучшем случае односторонне. То, что в одной культуре — проявление творческой самоценности человеческой деятельности, в другой может стать всего лишь условием жизни. Например, город в одной культуре — результат и сфера творчества, в другой — место прожигания жизни. Чужие плоды могут быть средством, например, микроскоп может быть использован для забивания гвоздей (образ братьев Стругацких). Такое освоение чужой культуры не только не позитивно, но и вредно, даже опасно [20].

Эволюционный характер развития культуры и цивилизации, возникновения и становления традиций, в том числе и в сфере экономики, обуславливает вполне определенный характер экономического реформирования исключительно как осуществление внутрисистемных изменений, но отнюдь не замену одной системы другой. И.Д. Афанасенко пишет об этом следующим образом: «Результаты внутрисистемных изменений неправомерно трактовать как замену системы. Новая модель не затрагивает существенных элементов системы, но и в форму и содержание хозяйственной жизни может внести серьезные изменения. Таким образом, то, что понимается под сменой систем, в действительности означает смену моделей. Поскольку экономическая система... отражает взаимозависимость не только между экономическими процессами, то система как таковая, как культурный срез отмирает только вместе с цивилизацией [21]. Практика реформирования, указывает

далее И.Д. Афанасенко, многое теряет оттого, что принципы, по которым выявляют общность у природных систем, автоматически используются для «доказательства» изоморфности (сходности) социальных систем. ...Такой подход предопределен методиками и практикой корректирования экономических процессов в странах Западной Европы, где экономическая трансформация не затрагивает нравственные и ценностные ориентиры общества. Но он неприменим там, где экономическая трансформация может взломать социокультурные основы поведения, разрушить «социальную память». ...Полярные свойства экономической системы и неприемлемость единого подхода к осуществлению экономической трансформации показывают, что реформирование только внешне представляется актом субъективным. Оно возможно лишь с учетом объективной реальности и подчинено закону минимальной трансформации: из всех возможных вариантов преобразований достигает цели тот, который позволяет адаптировать общество к новым условиям при минимальных изменениях в системе, не грозящих фундаментальным сущностям данной цивилизации [22].

Таким образом, на функционирование, развитие, основные характеристики экономической системы оказывает влияние множество различных социокультурных факторов, которые в терминах институционализма представляют собой неформальные институты. Их наличие и влияние необходимо учитывать в процессе экономического реформирования — необходимо изучение и создание условий для воплощения в реальной хозяйственной практике неформальных институтов, а также создания на их основе не противоречащих им формальных, прежде всего законодательных актов, регулирующих экономическую деятельность.

Литература

1. Polanyi K. The economy as instituted process // The sociology of economic life / Ed. by M. Granovetter and R.S. Swedberg. Oxford, 1992. P. 34.
2. Ольсевич Ю.Я. Трансформация хозяйственных систем. М., 1994. С. 9–10.
3. Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. М., 1999. С. 73.
4. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск. 1993. С. 13.
5. Там же.
6. Гольц Г.А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 24.
7. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. СПб., 2001. С. 15.
8. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 26.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 129.
10. Там же. С. 96.
11. Ольсевич Ю.Я. Трансформация хозяйственных систем. М., 1994. С. 5.
12. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 20, 32.
13. Там же. С. 34.
14. Там же. С. 32.
15. Павлов К. Национальные особенности экономического поведения // Человек и труд. 1993. № 10. С. 36–38.
16. Гольц Г.А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей // Общественные науки и современность. № 1. С. 26.
17. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
18. Павлов К. Национальные особенности экономического поведения // Человек и труд. 2003. № 10. С. 38.
19. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. СПб., 2001. С. 136.

20. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Том 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 226.
21. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. СПб., 2001. С. 30.
22. Там же. С. 31.